

ПРОТЕСТНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЭПОХУ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРВОЙ ИМПЕРИИ

А.В. Чудинов*

НАРОДЫ ПРОТИВ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Автор статьи предлагает вниманию читателей частичное обобщение результатов, полученных лабораторией «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» ИВИ РАН при реализации многолетнего исследовательского проекта «Социальные механизмы массовых протестных движений в эпоху Французской революции и Наполеоновской империи». Комплексное изучение различных типов массовых движений заставляет с большой долей осторожности отнестись к распространенному утверждению о том, что Французскую революцию совершил народ, под которым обычно понимаются крестьянство и городской плебс. Даже обычно ассоциируемые с Революцией массовые выступления плебса в подавляющем своем большинстве не преследовали далеко идущих политических целей, а являлись лишь непосредственной реакцией на информационные поводы, вызывавшие всплеск коллективных страхов в ситуации общего недовольства текущими экономическими трудностями. Впрочем, даже эти условно «революционные» вспышки протеста, не идут ни в какое сравнение по своим масштабам и продолжительности с массовыми народными движениями, направленными непосредственно против системы ценностей Французской революции – движениями, захватывавшими целые регионы и продолжавшиеся годами.

Ключевые слова: традиционное общество, либерально-демократическая парадигма, Французская революция XVIII в., массовые протестные движения, Вандея, Инсурдженца, Египетский поход 1798-1801 гг., Отечественная война 1812 г.

---

* Александр Викторович Чудинов, доктор исторических наук, руководитель лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

Утверждение, что Французская революция XVIII в. имела «народный характер», настолько прочно укоренилось в исторической памяти французов, что давно уже воспринимается как прописная истина. Оно зафиксировано даже на официальном сайте Президента Французской республики, где выбор в качестве главного государственного праздника даты 14 июля – дня взятия Бастилии в 1789 году, который традиционно считается началом Революции, и дня Национального праздника 1790 года, символизировавшего рождение единой французской нации, - объясняется так: «Она связана с памятью о двух важных революционных событиях, которые *поместили народ в центр происходящего*, сделав одновременно актором и объектом, субъектом и конечной целью действия»¹. Для «классической» историографии Французской революции утверждение о ее «народном характере» также является общим местом, раз за разом воспроизводимым без особых тому доказательств².

На взгляд неискушенного наблюдателя, тема научного проекта «Социальные механизмы массовых протестных движений в эпоху Французской революции и Наполеоновской империи», начатого несколько лет назад лабораторией «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН, может показаться не предвещающей особых сюрпризов. Разве сама по себе Французская революция не была грандиозным массовым протестным движением против Старого порядка? Не сведутся ли итоги проекта к очередному подтверждению тезиса о «решающей роли в ней народных масс», который представители «классической», в том числе советской, историографии и без того многие десятилетия повторяли как аксиому?³

Не будем спешить. Проведенные в рамках указанного проекта исследования, результаты которых я хотя бы частично попытаюсь здесь обобщить, показывают, что революционный процесс развивался далеко не столь прямолинейно, как это долгое время считалось. Революция, издали кажущаяся единым могучим потоком, при ближайшем рассмотрении распадается на множество ручейков, текущих порою в разные, а то и прямо противоположные стороны. И роль в ней массовых народных движений выглядит весьма неоднозначно.

¹ См.: <http://www.elysee.fr/la-presidence/la-fete-nationale-du-14-juillet/> Посещение 4.8.2016. Курсив мой – А.Ч.

² См., например: *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции 1789-1814 гг. СПб., 1996. С. 3.

³ См., например: *Манфред А.З.* О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой французской революции // Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 406-407.

Своенравная массовка «революции элит»

Несмотря на то, что в обыденном сознании Французская революция ассоциируется, прежде всего, с такими зрелищными эпизодами как взятие Бастилии 14 июля 1789 г., поход парижан на Версаль 5-6 октября 1789 г., штурм Тюильри 10 августа 1792 г. и прочими примерами прямого вмешательства парижских низов в политический процесс, получившими в исторической литературе обобщающее название *jours révolutionnaires* («революционные деньки»), собственно революционная работа демонтажа Старого порядка и утверждения новых государственных и социальных институтов происходила все же не на заполненных толпой улицах, а в парламентских комитетах Учредительного и Законодательного собраний, Конвента и Совета пятисот⁴. Разумеется, *jours*, демонстрируя слабость власти и тем самым подталкивая ее к уступкам оппозиции, играли важную роль в революционном процессе, но отнюдь не определяющую. Они, можно сказать, рыхлили мешавшую продвижению преобразований породу, но основную работу по удалению таковой и прокладке нового пути выполняла просвещенная элита⁵.

Сами же народные выступления даже те, что традиционно определяются историками как «революционные», в большинстве своем не имели каких-либо далеко идущих политических целей и не были направлены на прямую поддержку той или иной политической «партии». Непосредственными причинами практически всех *jours* было недовольство городских «низов» текущей экономической ситуацией или конкретными действиями правительства, доведенное до пароксизма теми тревожными идеями-образами, которые порождало коллективное воображаемое в обстановке социальной неопределенности и какой-либо (нередко мнимой) внешней угрозы, в т.ч. и со стороны властей. Так же, как и во время народных выступлений при Старом порядке, «протест носил оборонительный характер. Бунт не имел инициативы. Как правило, он был ответной реакцией. И не только на стесненные материальные обстоятельства, но и на психологическое давление извне...»⁶.

Так, июльское восстание 1789 г., которым обычно датируют начало Революции, отнюдь не имело целью поддержать антиправительствен-

⁴ Подробнее см.: Бовыкин Д.Ю. От Старого порядка к новому // Всемирная история в 6 томах. Т. 4: Мир в XVIII веке. М., 2013. С. 655-663; Он же. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005.

⁵ Подробнее см.: Чудинов А.В. Просвещенная элита (из истории понятия) // ФЕ 2001. М., 2001.

⁶ Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск, 1996. С. 219.

ную оппозицию в Национальном собрании, а стало результатом пугающих слухов, возникших в ситуации неопределенности после неожиданной отставки Неккера, которая произошла к тому же в тот момент, когда цены на хлеб достигли годового максимума в преддверии нового урожая. Спонтанная стычка в Тюильри агрессивно настроенной толпы и кавалеристов принца Ламбеска, которую молва тут же превратила в «бойню» и расценила как подтверждение своих самых страшных подозрений в отношении властей, повлекла за собою неуправляемую цепную реакцию: горожане начали в массовом порядке вооружаться, часть их пошла требовать порох у коменданта Бастилии и, получив отказ, взяла бывшую тюрьму штурмом⁷.

Поход парижан на Версаль 5-6 октября 1789 г. также был спровоцирован ложным известием о якобы имевшей там место контрреволюционной демонстрации гвардейских офицеров. В обстановке широкого недовольства, вызванного нехваткой хлеба в столице, этого слуха оказалось достаточно, чтобы привести в действие пружину народного бунта. Вместе с тем, отправляясь в Версаль, толпа отнюдь не выказывала намерения принудительно доставить монаршую семью в Париж, как это произойдет на другой день. Подобный исход событий, от которого бесспорно выиграла политическая оппозиция, не планировался заранее их рядовыми участниками, а стал результатом стихийного стечения обстоятельств в ходе самого *journée*.

И даже тех случаях, когда *journée* мог быть намеренно спровоцирован определенными политическими силами, его инициаторам оказывалось далеко не просто «оседлать» поднятую ими протестную волну и добиться с ее помощью реализации своих политических целей. Яркий тому пример антижирондистское восстание на рубеже мая-июня 1793 г. Сумев 31 мая вывести на улицы тысячи раздраженных дороговизной людей, радикальные активисты так в результате и не смогли добиться намеченных политических целей, поскольку основная масса участников выступления, не имея об этих целях ни малейшего представления, удовлетворилась паллиативными уступками Конвента и разошлась по домам. Организаторам восстания пришлось через день, 2 июня, предпринять вторую попытку, которая хоть и оказалась более удачной, но все равно не удовлетворила их чаяний в полной мере⁸.

⁷ Подробнее см.: Cottret M. La Bastille à prendre: histoire et mythe de la forteresse royale. P., 1986; Chaussinand-Nogaret G. La Bastille est prise: la Révolution française commence. Bruxelles, 1988 ; Tchoudinov A. 14 juillet 1789: prise de la Bastille // L'Histoire de France vue d'ailleurs. P.: Les Arènes, 2016.

⁸ Подробно см.: Гордон А.В. Падение жирондистов. Народное восстание в

Едва ли не единственным примером успешного достижения революционными политическими элитами поставленных целей посредством *journalée* являются события 10 августа 1792 г., приведшие к падению монархии. Однако в этом случае, строго говоря, речь идет не столько о стихийном массовом протесте, сколько о целенаправленном использовании организованной военной силы (отрядов федератов и национальной гвардии) параллельным правительству центром власти, каким стала повстанческая Коммуна Парижа. Впрочем, и тут народная стихия продемонстрировала свою своенравность: сразу же после победы восстания массовой расправой над защитниками Тюильри, а три недели спустя – сентябрьской резней в тюрьмах. Ни того, ни другого революционные элиты, очевидно (а другого так до сих пор и не доказано), не хотели, но помешать этому не смогли.

Наглядный пример того, что участники *journalées* и представители политических элит говорили на разных языках, дают события 1 прериаля III года Республики (20 мая 1795 г.). В тот день бунтующая толпа заполонила Конвент, требуя хлеба, наказания виновных в дороговизне и введения Конституции 1793 года. Последнюю «низы» желали не потому, что осознавали преимущества закрепленного в ней строя, поскольку эта Конституция не действовала ни единого дня, а потому, что в коллективном воображаемом ее образ был тесно связан с эпохой таксации цен на продовольствие. Последние из еще остававшихся в пост-термидорианском Конвенте монтаньяров решили воспользоваться в своих политических целях, как им показалось, благоприятным моментом и вынесли на голосование ряд декретов, направленных, по сути, на возврат к революционному правлению. Их намерения, в принципе, не противоречили требованиям восставших, разве что шли несколько дальше и были облечены в правовую форму. Однако занимавшие Конвент люди встретили речи последних монтаньяров неодобрительными криками: «Хлеба! Хлеба! Мы этого не хотим! Хлеба! Арестовать! Поименное голосование, чтобы мы знали, кого арестовать! Домашние обыски, чтобы найти продовольствие! Конституцию 93-го года! Уходите все вон, мы закроем Конвент!» и т.д.⁹ Низы явно не слышали и не желали слышать даже тех политиков, что пытались выступить от их имени.

Любопытно, что и участники бабувистского «заговора равных», готовившиеся захватить власть путем спровоцированного ими массового восстания и постоянно апеллировавшие в своей пропаганде к народу, так

Париже 31 мая – 2 июня 1793 года. М., 1988.

⁹ См.: *Tarle E.V.* Жерминаль и Прериаль. М., 1951. С. 140.

и не смогли создать у того четкого представления о своей идентичности: «В обществе явно знали о подготовке нового революционного *journée*. Но это не значит, что парижане поддерживали заговорщиков или *хотя бы четко понимали, кто те и чего хотят*. Бабёфа и его сторонников считали якобинцами, анархистами, шуанами, орлеанистами, роялистами, но только не теми, кем они на самом деле являлись»¹⁰. Как видим, знаменитая ленинская фраза «страшно далеки они от народа» в контексте Французской революции правомерна даже для самых левых политиков.

Более того, с самого начала Революции даже те представители политических элит, что принадлежали к оппозиционному лагерю, вполне могли при неблагоприятном для них стечении обстоятельств оказаться жертвой народного бунта. Так, еще накануне открытия Генеральных штатов один из активных защитников прав третьего сословия фабрикант Ж.-Б. Ревельон лишился дома и мануфактуры, разграбленных и сожженных толпой из-за ложно истолкованных молвой слов, которые он произнес на собрании выборщиков. Принадлежность к «партии» сторонников перемен не обеспечила ему никакой защиты¹¹.

О значительной «автономности» массового протеста от собственно «революции элит» свидетельствует и то, что, когда революционная оппозиция Старому порядку взяла бразды правления в свои руки, *joursées* отнюдь не прекратились: теперь их участники предъявляли претензии уже новой власти. *Journées* по-прежнему являлись прямой реакцией городских низов на ухудшение материального положения или на какие-либо конкретные действия правительства – всплеском недовольства, достигшего в определенный момент взрывоопасной концентрации под влиянием очередных фантомов коллективного воображаемого. И только решительная юридическая делигитимация таких выступлений посредством судебного преследования участников событий 1 прериаля, а затем жестокое подавление военной силой, по сути, последнего из *joursées* – движения 13 вандемьера IV года Республики, которое Конвент из сугубо конъюнктурных соображений объявил «роялистским мятежом»¹² – положило конец подобной форме массового протеста задолго (четыре года в эпоху перемен – огромный срок!) до завершения самой Французской революции.

Против абсолютизации влияния протестного движения городских низов на развитие революционного процесса говорит также тот факт, что

¹⁰ Чепурина М.Ю. Заговор Бабёфа в восприятии французского общества XVIII века // ФЕ 2015. М., 2015. С. 259. Курсив мой – А.Ч.

¹¹ Подробнее см.: Лотте С.А. «Дело Ревельона» // ФЕ 1958. М., 1959.

¹² См.: Бовыкин Д.Ю. Парижское восстание 13 вандемьера IV года республики // ВИ. 2014. № 11.

все *jours*, имевшие какой-либо ощутимый результат, достигли такового лишь благодаря готовности правящих элит, в силу тех или иных причин, к компромиссу. Так, июльское восстание 1789 г. увенчалось успехом не 14-го числа, когда несколько сот бунтовщиков овладели предназначенной к сносу тюрьмой, гарнизон которой не оказывал им серьезного сопротивления, а 17-го, когда Людовик XVI посетил парижскую Ратушу, принял от ее членов красно-голубую кокарду, символ восставшего Парижа, и тем самым фактически санкционировал все акты насилия, совершенные в предшествующие дни. Этим шагом король наглядно продемонстрировал тот паралич воли, которым была поражена старая власть, и ее полную неспособность гарантировать правовой порядок, чем побудил политическую оппозицию в Национальном собрании усилить натиск на монархию.

Участникам похода на Версаль 5-6 октября 1789 г. удалось забрать короля с собою в Париж также во многом потому, что Людовик XVI даже не попытался воззвать к верным ему войскам и оказать сопротивление, безропотно позволив увезти себя в столицу как боевой трофей.

И даже 10 августа 1792 г. восстание победило только тогда, когда после нескольких безуспешных атак инсургентов на Тюильри, король приказал защитникам дворца сложить оружие, как того у него потребовало Законодательное собрание. В очередной и на сей раз в последний раз монархия продемонстрировала отсутствие воли к сопротивлению, вновь *позволив* участникам *jour* одержать над собой верх.

После установления республики новая революционная элита первое время была расколота внутренней борьбой отдельных фракций за власть, а потому тоже была вынуждена идти на компромисс с участниками *jours* 31 мая – 2 июня и 4 – 5 сентября 1793 г. После стабилизации режима в период революционного правления необходимость в компромиссах отпала, поскольку при Терроре любое протестное движение, в том числе идущее снизу, беспощадно пресекалось военным путем, как это произошло, к примеру, в Лионе¹³. А когда с окончанием Террора городские низы попытались возобновить практику подобных выступлений, быстро выяснилось, что и в пост-термидорианский период консолидированная революционная элита, в отличие от элиты Старого порядка, вовсе не испытывает недостатка воли для подавления протестов всей мощью государственного насилия. И вот тогда элиты, утратив готовность к компромиссу, перестали *позволять* участникам *jours* диктовать себе какие-либо требования, результативность данной формы массового протеста моментально сошла

¹³ См. ниже: Чепурина М.Ю. Истоки и механизм Лионского восстания 1793 года

на нет. Государство, поставленное на службу революционной элиты, оказалось более эффективным инструментом контроля над политическим процессом, нежели стихия народного бунта.

Как видим, даже те выступления городских низов, которые долгое время воспринимались как своего рода «визитная карточка» Французской революции, были весьма относительно связаны с революционными преобразованиями, осуществлявшимися элитами. Поток «революции плебса» иногда тек параллельно потоку «революции элит», помогая тому, но не смешиваясь с ним, чаще же они двигались по расходящимся направлениям, а порою сталкивались на встречающих курсах.

Причем, до сих пор мы говорили лишь о тех формах массового протеста в городе, что традиционно определяются как «революционные». Что касается народных движений в сельской местности, где проживала большая часть населения Франции, то там картина будет еще сложнее. Не стану сейчас отдельно останавливаться на тех многочисленных крестьянских бунтах локального масштаба, которые, не имея четко выраженной политической направленности, составляли устойчивый фон процесса смены Старого порядка новым. Замечу только, что Ж. Лефевр, глубоко изучавший данный аспект, если и определял эти крестьянские выступления как «революционные», то с оговоркой, признавая за «крестьянской революцией» известную «автономность» в рамках Французской революции в целом, автономность «по своему происхождению, методам, кризисам и тенденциям»¹⁴. Иначе говоря, и этот поток народного протестного движения следовал своим собственным руслом, отличным от мейнстрима «революции элит».

Что же касается наиболее масштабного по охвату территории и количеству участников народного движения протеста во время Французской революции, то назвать его «революционным» не получится даже с самыми казуистическими оговорками. Потому что таковым была крестьянская война в Вандее – война народа против Революции.

Вандейский парадокс

Историки, пишущие о Вандейском восстании, часто цитируют Б. Барера, который образно охарактеризовал данный феномен словосочетанием «необъяснимая Вандея»¹⁵. Действительно, и для самих революционе-

¹⁴ См.: *Lefebvre G. La Révolution française*. P., 1957. См. о нем также: *Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789 – 1794 гг.* М., 1987. С. 11 и далее..

¹⁵ См., например: *Petitfère Cl. La Vendée et les Vendéens*. P., 2015 (1re éd. – 1981). P. 50, 87, 293 ; *Martin J.-Cl. La guerre de Vendée 1793-1800*. P., 2014. P. 18 ; *Мягкова Е.М. «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на западе Франции в XVII-*

ров, и для наследовавшей им историографической традиции было просто непостижимо, каким образом наибольшей опасностью для Французской революции на ее подъеме, в 1793 г., оказалось восстание народа – того самого народа, именем которого эта революция и вершилась. Это искреннее и наивное недоумение, пожалуй, ярче других выразил Ж. Мишле: «В тот момент, когда все люди потянулись к Франции, чтобы кинуться в ее объятия и стать французами в сердце своем, одна область оказалась исключением из этого правила. Нашелся народ столь поразительно слепой и удивительным образом сбитый с толку, что поднял оружие против Революции, матери своей, против блага народа, против себя самого. И по какому-то дьявольскому наваждению, это произошло во Франции; именно часть Франции являла собою подобное зрелище; а столь странный народ находился в Вандее»¹⁶.

Для объяснения столь «непостижимого», с точки зрения революционеров, а затем и сочувствующих им историков, парадокса была выдвинута концепция «аристократического заговора»: мол, доверчивый и темный народ был введен в заблуждение дворянами и неприсягнувшими священниками, заставившими его действовать вопреки своим интересам. Однако сами дворяне, участвовавшие в восстании категорически отрицали существование какого бы то ни было заговора и подчеркивали стихийный характер действий народа, поднявшегося, как считали они, на защиту Старого порядка. Подобный взгляд получил дальнейшее развитие в трудах историков-легитимистов XIX в.¹⁷

В XX в. вопрос о мотивах, побудивших сельское население бывших провинций Пуату, Анжу и Бретани¹⁸ поднять оружие против революционного правительства Франции, по-прежнему оставался одним из наиболее дискуссионных в обширной историографии Вандейского восстания¹⁹. Не вдаваясь в детали тех споров, отметим, что сегодня исследователи связывают истоки этого ожесточенного и кровопролитного противоборства, в которое оказалось втянуто практически все население региона, не только и не столько с социально-экономической ситуацией, сколько с факторами социокультурного характера.

XVIII веках. М., 2006.

¹⁶ *Michelet J. Histoire de la Révolution [1847-1853].* P., 1979. Т. 2. P. 11.

¹⁷ Подробнее см.: *Petitfère Cl. Op. cit. Ch. 2*

¹⁸ Вандея – название одного из трех департаментов, на которые в 1790 г. была разделена провинция Пуату. Однако восстание, названное «Вандейским», захватило, помимо собственно Вандеи, территории еще трех департаментов: Дё-Севр (часть бывшего Пуату), Нижняя Луара (ныне – Атлантическая Луара, часть бывшей провинции Бретань), Мэн и Луара (часть бывшей провинции Анжу).

¹⁹ См.: *Мяжкова Е.М. Указ. соч. С. 6-19.*

Большую часть территории, охваченной восстанием и получившей название «Военной Вандеи», занимала область бокажа²⁰, где в силу географических особенностей отсутствия больших городов и магистральных транспортных путей крестьянское общество практически не испытывало влияния проходивших вонне модернизационных процессов и до конца XVIII столетия сохраняло традиционный уклад жизни. Важнейшую роль в последнем играло духовенство. Для владельцев разбросанных на большой территории разрозненных крестьянских хозяйств главной точкой притяжения и местом встреч была приходская церковь. Ее колокольня олицетворяла для крестьян центр той вселенной, в которой протекала жизнь большинства из них от рождения до смерти. Территории общин и приходов, как правило, совпадали, из-за чего четкая граница между мирским и сакральным отсутствовала. Кюре являлись одновременно и духовными пастырями, и наиболее влиятельными членами сельского сообщества: они учили детей, назначали повивальных бабок, служили душеприказчиками умерших, распределяли пожертвования среди нуждающихся и, самое главное, выступали посредниками во взаимоотношениях весьма замкнутого крестьянского сообщества с внешним миром, представляя интересы крестьян перед властями предрержащими²¹.

Как и в любом традиционном обществе, мировосприятие крестьян Западной Франции определялось религией. «Усилия по аккультурации, предпринимаемые городскими элитами, были здесь тем более обречены на провал, что интеллектуальное и моральное влияние священников доминировало безраздельно. “Новым идеям” было крайне трудно проложить себе дорогу в регион, сношения которого с внешним миром были затруднены практически полным отсутствием больших дорог и где люди редко встречались друг с другом, кроме как на воскресной мессе и проводившемся по ее окончании приходском сходе»²².

Французская революция нарушила устойчивость этого малоподвижного общества, столкнув его с культурой города, где в предреволюционные десятилетия получила распространение, а в ходе самой Революции стала господствующей, принципиально иная система ценностей – рационалистическая парадигма Просвещения. Особенно остро эту идеологическую интервенцию извне вандейские крестьяне ощутили с введением

²⁰ Бокаж (фр. *bocage*) — тип культурного ландшафта, где пастбища, поля и луга отделены друг от друга земляными насыпями с живой изгородью или рядами деревьев.

²¹ См.: *Petitfère Cl.* Op. cit. P. 258-259, 295-296; *Martin J.-Cl.* Op. cit. P. 75-77; *Мяжкова Е.М.* Указ. соч. С. 107-127.

²² *Petitfère Cl.* Op. cit. P. 258.

гражданского устройства духовенства в 1790 г. Реформа оказалась тем более болезненной и раздражающей, что ранее от Революции жители бокажа не получили тех экономических благ, которые хотя бы отчасти могли примирить их с переменами: частичная отмена сеньориальных прав и продажа национальных имуществ оказались выгодны только крупным собственникам земли, к которым обитатели бокажа не принадлежали²³. Церковная же реформа их и вовсе задела за живое.

Видя в церкви, как учила философия Просвещения, исключительно инструмент управления, революционные элиты попытались механистически «рационализировать» ее устройство, не считаясь с тем, что это повлекло за собой болезненную ломку базовых структур традиционной культуры сельского мира. Унификация размеров приходов таким образом, чтобы каждый из них включал в себя примерно 6 тыс. прихожан, привела на западе Франции, где население было рассредоточено на обширной территории, к ликвидации 142 из 525 приходов²⁴. Учитывая ту важную роль, которую приходские церкви играли в сельском сообществе, легко понять, почему крестьяне крайне негативно восприняли их утрату. К тому же, укрупнение приходов нередко вело к увеличению расстояния до ближайшей церкви, что в эпоху высокой смертности было далеко не маловажным обстоятельством: священник мог просто не успеть со святыми дарами к умирающему²⁵. И все же сельский мир, хоть и не безропотно, эту реформу принял.

Подспудно копившееся недовольство стало выливаться в открытый протест только после того, как Учредительное собрание декретом от 27 ноября 1790 г. обязало священнослужителей приносить гражданскую присягу, спровоцировав тем самым раскол духовенства на «присягнувшее» (конституционное) и «неприсягнувшее». На западе Франции подавляющее большинство кюре, следуя принципу «Божие Богу, кесарю кесарево», отказалось присягать: в дистриктах Шалана и Вийера таковых насчитывалось более 70%, в дистриктах Клиссона, Машкуля, Монтегю и Сен-Флоран-ле-Вьей – более 80%, в дистрикте Шоле – 95% священников²⁶. Крестьяне же не только поддерживали отказавшихся приносить присягу, но и сами нередко принуждали колеблющихся поступать подобным образом²⁷. Широко распространилось убеждение, что присягнувшие кюре – «неправильные» и что отправление ими священных таинств не

²³ Ibid. P. 267-268.

²⁴ Ibid. P. 259.

²⁵ *Martin J.-Cl.* Op. cit. P. 77-78.

²⁶ Ibid. P. 242.

²⁷ См.: *Petitfère Cl.* Op. cit. P. 257.

способно обеспечить пастве спасение в загробном мире. К тому же, если прежде священники назначались сверху и прибывали к селянам своего рода посланцами из внешнего мира, неся на себе отблеск таинственной нездешней благодати, то теперь, согласно введенному Революцией гражданскому устройству духовенства, процесс замещения кюре был предельно десакрализован – их избирало собрание выборщиков дистрикта. Иначе говоря, полномочия новых священников не просто имели светское происхождение, но к тому же еще даровались горожанами, которые традиционно воспринимались жителями бокажа как чуждая и враждебная среда.

Ситуация усугублялась действиями революционных элит на местах. Администрации дистриктов на западе Франции комплектовались представителями местных городских элит, которые исторически были тесно связаны с янсенизмом²⁸. Присущие тому ригоризм и бескомпромиссность были в полной мере проявлены региональными властями при реализации церковной реформы. Если декрет Учредительного собрания от 7 мая 1791 г. еще предписывал терпимое отношение к неприсягнувшим кюре и не воспрещал им отправлять свои обязанности в специально отведенных для этого храмах, то администрации дистриктов по своей инициативе развернули настоящую кампанию по изгнанию таковых с их кафедр. Ускоренная замена неприсягнувших священников присягнувшими спровоцировала многочисленные волнения крестьян, выступавших в защиту своих прежних кюре. Дело доходило до стычек с национальной гвардией, состоявшей из горожан и приходившей для утверждения новых порядков в сельскую местность, как на оккупированную территорию, сея произвол и насилие. Ее действия при реализации церковной реформы современный историк Вандейского восстания Жан-Клеман Мартен даже сравнивает с печально известными драконами эпохи Людовика XIV²⁹. Неудивительно, что именно национальная гвардия, олицетворявшая насилие города над деревней, вызывала у крестьян особую ненависть, которая после начала восстания выльется в жестокие расправы над национальными гвардейцами, к коим, в отличие от солдат линейных войск, не будет ни малейшего снисхождения³⁰.

К новому, конституционному кюре, заменявшему изгнанного, крестьяне сплошь и рядом относились враждебно, называя «чужаком»

²⁸ Подробнее о связи янсенизма и Революции см.: Чудинов А.В. «Слух, который нашептала история»: янсенизм и Французская революция (историографический аспект) // ФЕ 2004. М., 2004; *Он же*. Французская революция: история и мифы. М., 2006. Ч. 2. Гл. 3.

²⁹ *Martin J.-Cl.* Op. cit. P. 67.

³⁰ См.: *Petitfère Cl.* Op. cit. P. 272-278.

(intrus). «Его встречали этим прозвищем мальчишки, швырявшие в него камни, и женщины, проклинавшие его и тщательно мывшие кропильницу, если он осмеливался опустить туда палец; даже пономарь бранил его, а мужчины угрожали смертью. Его сад разоряли, собаку убивали, а в двери дома стреляли из ружья. По воскресеньям церковь оставалась безнадежно пустой за исключением тех случаев, когда члены муниципалитета, упертые революционеры, присутствовали на службе из политических соображений»³¹.

Напротив, мессы неприсягнувших священников крестьяне продолжали активно посещать даже тогда, когда эти службы с ужесточением репрессивного законодательства стали осуществляться подпольно. Действие вызвало противодействие: чем сильнее власти оказывали давление на сельский мир, пытаясь утвердить конституционное духовенство, тем более упорным оказывалось сопротивление крестьян, переживших в этот период настоящий всплеск религиозной экзальтации. Более того, с сокращением числа священников буйным цветом расцвел народный, «фольклорный» католицизм, абсорбировавший в себе наследие язычества³².

К марту 1793 г. обстановка в бокаже на западе Франции уже настолько накалилась, что для взрыва не хватало лишь искры. Таковой стал объявленный Республикой 300-тысячный рекрутский набор, сопротивление которому вылилось в массовые вооруженные беспорядки, переросшие в открытую гражданскую войну. Причиной ее был, конечно же, не сам призыв, лишь давший к ней повод, а скопившееся внутри сельского мира недовольство политикой революционных элит. Социальный взрыв огромной мощи стал результатом столкновения двух ценностных парадигм: новой, просветительской и старой, традиционной. Насильственное внедрение первой в ареал безраздельного доминирования традиционной культуры собственно и вызвало в качестве ответной реакции беспрецедентную по размаху и ожесточенности народную войну против Революции. Восстание было результатом конфликта ценностей «старого мира, мира деревни, и нарождающегося нового, воплощением и символом которого был город»³³. Религия, составлявшая основу мировоззрения традиционного общества, стала в этой ситуации знаменем народного протеста. «Традиция, религия, политика, – пишет Ж.-К. Мартен, – были отныне тесно спаяны в этой горючей смеси; однако именно религия придала взрывной характер развитию событий и наилучшим образом обеспечила мобилизацию индивидов»³⁴.

³¹ *Martin J.-Cl.* Op. cit. P. 81-82. См. также: *Petitfère Cl.* Op. cit. P. 245-254.

³² *Petitfère Cl.* Op. cit. P. 243-245; *Martin J.-Cl.* Op. cit. P. 83-84.

³³ *Petitfère Cl.* Op. cit. P. 298.

³⁴ *Martin J.-Cl.* Op. cit. P. 85.

Таким образом, с точки зрения социокультурного подхода феномен Вандеи отнюдь не выглядит «необъяснимым». Тем более, он перестает казаться таковым, если рассматривать его в одном ряду со схожими явлениями, имевшими тогда место и в других странах.

Инсордженца – «итальянская Вандея»

В 1796 г. армия Французской республики под командованием генерала Наполеона Бонапарта вторглась в Италию. Поход сопровождался мощной пропагандистской кампанией. Французская пресса, не жалея слов, рассказывала «о том, как великий итальянский народ сбрасывает долгое иго суеверий и притеснений и несметной массой берется за оружие, чтобы помочь освободителям-французам»³⁵.

Позднее версия о том, что итальянцы встретили французов с распростертыми объятиями как освободителей, закрепилась в республиканской и бонапартистской традиции, найдя, в частности, свое художественное воплощение в известных строках Стендаля: «Вместе с оборванными бедняками-французами в Ломбардию хлынула такая могучая волна счастья и радости, что только священники да кое-кто из дворян заметили тяжесть шестимиллионной контрибуции, за которой последовали и другие денежные взыскания. Ведь эти французские солдаты с утра до вечера смеялись и пели, все были моложе 25 лет, а их главнокомандующему недавно исполнилось 27, и он считался в армии самым старым человеком»³⁶.

Представление о праздничной встрече итальянцами французской армии нашло отражение и в работах историков, симпатизировавших Революции, например, в известном труде А.З. Манфреда «Наполеон Бонапарт»: «Города [Италии] были иллюминированы, на площадях посажены деревья Свободы, а в церквах пели революционно-религиозные песни»³⁷; «Цветы, цветы, гирлянды цветов, улыбающиеся женщины, дети, огромные толпы народа, вышедшие на улицы, бурно приветствовали солдат Республики...»³⁸. И лишь мимоходом Манфред упоминал о событии, которое показывало, что пребывание французов на Апеннинах не всегда было праздничным: «Это не исключало того, что, когда, как, например, в Павии, началось антифранцузское восстание, в котором участвовали крестьяне, Бонапарт жестоко подавил его»³⁹.

³⁵ *Тарле Е.В.* Наполеон // Тарле Е.В. Сочинения в 12 томах. М., 1959. Т. 7. С. 60.

³⁶ *Стендаль.* Пармский монастырь // Стендаль. Собрание сочинений в 15 томах. М., 1959. Т. 3. С. 9.

³⁷ *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М., 1980. С. 143.

³⁸ Там же. С. 145.

³⁹ Там же. С. 148.

На самом деле печальная судьба Павии была отнюдь не исключительным эпизодом, диссонирующим с общей атмосферой «праздника», каким якобы стало пришествие французов на Апеннины, а скорее типичным эпизодом, одним из многих и многих, которыми характеризовалось их пребывание в Италии. Даже если просто ознакомиться с хронологией происходивших там событий, мы увидим, что попытки утверждения на итальянской земле «свободы, равенства и братства» *à la française* встречали систематическое и массовое сопротивление местных жителей вплоть до самого изгнания французов из Италии в 1799 г. объединенными усилиями итальянских повстанцев, русской и австрийской армий и русско-турецкого флота:

23 мая 1796 г., восемь дней спустя после триумфального вступления Бонапарта в Милан (это о нем Манфред писал: «цветы, цветы, гирлянды цветов...»), как только город покинули главные силы французской армии, там началось массовое антифранцузское восстание, вскоре перекинувшееся на Бинаско и Павию.

В июне 1796 г. антифранцузское восстание вспыхнуло в Лигурии, а после вторжения французов в Папскую область протесты охватили всю Романью.

30 июня – 8 июля 1796 г. – восстание в Луго-ди-Романья.

Июль – август 1796 г. – движение протеста в Тоскане, волнения в Ломбардии и Романье.

Сентябрь – декабрь 1796 г. – антифранцузские движения в Гарфаньяне, Линиджиане, Модене и Романье.

Февраль 1797 г. – протесты в Марке (Marche).

Март 1797 г. – протестные движения в Романье, Марке, Ломбардии, Венето.

Апрель 1797 г. – восстания в Венето и Вероне («Веронская пасха»).

Май 1797 г. – протесты в Венеции и Тетраферме.

Июнь – октябрь 1797 г. – протестные движения в Лигурии, Далмации, Истрии, Вальтелине, Варезе.

Февраль 1798 г. – протесты в Риме и по всей Папской области.

Март – ноябрь 1798 г. – протестные движения в Папской области, вспышки сопротивления в Вальтелине.

Декабрь 1798 г. – повстанческое движение в Южной Италии. Восстание в Пьемонте, восстановившее монархию.

Январь 1799 г. – санфевдистское повстанческое движение в Южной Италии. Восстание в Неаполе.

Февраль – июнь 1799 г. – контрреволюционное восстание по всей Италии и изгнание из нее французов⁴⁰.

⁴⁰ См. : *Viglione M. Le Insorgenze. Rivoluzione e Controrivoluzione in Italia*

После выхода России из Второй коалиции и возвращения французов в Италию в 1800 г. массовые протесты против них продолжали вспыхивать с разной степенью интенсивности до самого падения Наполеоновской империи в 1814 г.⁴¹

Как видим, пребывание французской армии в Италии протекало далеко не безмятежно. Однако тема народного сопротивления французам в 1796-1814 гг., получившего в исторической литературе обобщенное название «Инсордженца» (*Insorgenze*), до сих пор недостаточно разработана в историографии. Итальянских историков левого толка, считающих себя наследниками Рисорджименто, которое, в свою очередь, они рассматривают как продолжение Французской революции, интересует, прежде всего, деятельность союзников французов – итальянских якобинцев, в то время как антифранцузское повстанческое движение нередко выпадает из поля зрения исследователей⁴².

Впрочем, даже в тех из существующих к настоящему времени исторических работ, где затрагивается тема борьбы итальянцев против революционной армии Франции, сведения об этом явлении достаточно фрагментарны. К примеру, известный французский историк Ж. Годшо в своем труде «Контрреволюция» описывает ряд наиболее крупных выступлений итальянцев против французской оккупации, однако рассматривает их практически вне связи друг с другом, просто предлагая перечень событий, каждое из которых якобы имело свои особые причины: где-то в качестве таковых указаны социальные противоречия между крестьянством и буржуазией, где-то историческое соперничество между теми или иными городскими центрами, где-то – ложный слух, запущенный сторонниками Старого порядка и т.д.⁴³

Между тем, даже то, что мы знаем о массовых антифранцузских движениях, позволяет выделить у них ряд важных общих черт.

Главная особенность таких протестов – преимущественно народный характер. Большую часть участников движения составляли представители социальных низов⁴⁴. Вторгаясь в итальянские государства, французы вынуждены были преодолевать наиболее упорное сопротивление не со стороны регулярных армий, обычно проявлявших себя весьма посредственно, а со стороны крестьянских отрядов в сельской местности и городского плебса в городах⁴⁵.

1792-1815. Milano, 1999. P. 12-15.

⁴¹ См., например: *Finley M.* The most monstrous of wars: the Napoleonic guerrilla war in Southern Italy, 1806-1811. Columbia, 1994; *Viglione M.* La Vandea italiana. Milano, 2013.

⁴² Подробнее см.: *Viglione M.* Le Insorgenze. P. 111-146.

⁴³ *Godechot J.* La contre-révolution. Doctrine et action. 1789-1804. 2e éd. P., 1984. P. 320-334, 348-358.

⁴⁴ Подробнее см.: *Viglione M.* Le Insorgenze. P. 87-91.

⁴⁵ См., например: *Чудинов А.В.* «Солдаты свободы» или смертельный враг?

Что же касается элит, то они с приходом французов разделились. Та часть, что находилась под сильным влиянием просветительской философии и приняла ценности Французской революции, оказала поддержку иностранному вторжению, образовав «партию» итальянских якобинцев. Характерно, что последние имели сугубо элитарный состав. Неаполитанец В. Куоко, современник и очевидец тех событий, свидетельствует: «Все первые республиканцы были из самых лучших семейств столицы и провинции: среди них было много аристократов, дворян, богатых и хорошо образованных...»⁴⁶. Интересно, что даже значительная часть высшего духовенства поддержала новые, революционные порядки (к примеру, в Неаполитанском королевстве – тридцать епископов из сорока⁴⁷), тогда как гораздо более близкие к низам приходские падре сплошь и рядом участвовали в повстанческих отрядах. Большинство же представителей дворянства и городских верхов придерживались вынужденного нейтралитета в отношении французов, и лишь небольшая их часть внесла свой вклад в сопротивление⁴⁸.

Еще одна заметная общая черта антифранцузских протестов – их религиозная окраска. По признанию генерального секретаря Военного министерства Франции в 1799 г. А.-Ш. Сент-Альбена, «всё вокруг французов кипело мятежом и *фанатизмом*; всё представляло для них опасность близ Рима и в самом Риме...»⁴⁹. И в Южной Италии активно действовали крестьянские отряды, которые Сент-Альбен также называет «бандами *фанатиков*, ведомых на убой разъяренными священниками»⁵⁰. По его же словам, городской плебс Неаполя в январе 1799 г. поднялся на восстание против французов с возгласами: «Смерть предателям! *Да здравствует святая вера!* Да здравствует король!»⁵¹. О том же пишет и Куоко, очевидец Неаполитанского восстания: «...Обезумевшие орды вооруженного народа носились по всем улицам города, крича: “*Да здравствует святая вера!* Да здравствует неаполитанский народ!”»⁵². Характерно, что французы смогли

Французы в Южной Италии 1798-1799 гг. // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2. С. 36-39; *Boycott-Brown M. Guerrilla Warfare avant la lettre. Northern Italy, 1792-1797 // Popular Resistance in the French Wars. Patriots, Partisans and Land Pirates. N.-Y., 2005.*

⁴⁶ Куоко В. Опыт истории Неаполитанской революции 1799 года. СПб., 2006. С. 22.

⁴⁷ Там же. С. 233.

⁴⁸ См.: *Viglione M. Le Insorgenze*. P. 100-107.

⁴⁹ *Saint-Albin A.-R.-C. Championnet, général des armées de la République française ou les Campagnes de Hollande, de Rome et de Naples. 2e éd. P., 1861. P. 118.* Курсив мой – А. Ч.

⁵⁰ *Saint-Albin A.-R.-C. Op. cit. P. 143.* См. также: P. 136, 144, 148, 174.

⁵¹ *Ibid. P. 151.* Курсив мой – А. Ч.

⁵² Куоко В. Указ. соч. С. 94. Курсив мой – А. Ч.

убедить оказавшихся в безвыходном положении повстанцев сложить оружие, лишь обещав им защищать религию и уважать небесного покровителя города Святого Януария⁵³.

Подобные черты антифранцузских протестных движений позволяют ряду итальянских историков определять Инсордженцу как «феномен всеобщей войны целого народа против Революции во всех ее проявлениях по сугубо идеологическим мотивам – религиозным и легитимистским»⁵⁴. Массовый характер антифранцузских выступлений в Италии 1796-1814 гг., в которых по самым скромным подсчетам приняло участие более 300 тыс. чел. (из них погибло, по меньшей мере, 100 тыс.)⁵⁵, дал основание и современникам⁵⁶, и историкам поставить Инсордженцу в один ряд с Вандеей как народную войну против Французской революции в защиту традиционных ценностей⁵⁷.

Джихад против Революции

Впрочем, на исходе XVIII в. французские военные вспоминали о Вандее не только в Италии, но по другую сторону Средиземного моря.

«Мы находимся в стране, которая никому до смерти не нравится. Если бы армия знала это до отправления из Франции, никто бы из нас не сел на корабль и предпочел бы миллион раз смерть, чем невзгоды, выпавшие на нашу долю. Всюду нас окружают враги: сзади, спереди и с флангов. Прямо как в Вандее!», – писал французский капитан Рози из Александрии 9 сентября 1798 г.⁵⁸

Действительно, Египет стал еще одним регионом, где войскам революционной Франции пришлось столкнуться с массовым сопротивлением жителей, вследствие мировоззренческого конфликта. Здесь участники антифранцузского движения тоже выступали под религиозными лозунгами, только на сей раз не христианскими, а исламскими.

Нельзя сказать, что, отправившись на исходе весны 1798 г. во главе Восточной армии в Египет, Бонапарт не принимал во внимание исламский

⁵³ *Bonnamy*. Coup d'oeil rapide sur les opérations de la Campagne de Naples, jusqu'à l'entrée des français dans cette ville, par le général de brigade Bonnamy, chef de l'État-Major-Général de l'Armée de Naples. P., an VIII [1800]. P. 100-101.

⁵⁴ См. : *Viglione M.* Le Insorgenze. P. 142.

⁵⁵ *Ibid.* P. 169.

⁵⁶ *Di Rienzo E.* Dalla Vandea a Napoli (1793-1799): Guerra di popolo e democratizzazione delle masse nei manoscritti di Marc-Antoine Jullien de Paris // Napoli 1799 fra storia e storiografia. Napoli, 2002. P. 349.

⁵⁷ Подробнее см.: См. : *Viglione M.* Le Insorgenze. P. 183.

⁵⁸ Rozis à son ami Grivet, 23 fructidor an 6 [9.9.1798] // Copies from original letters from the army of General Bonaparte in Egypt, intercepted by the fleet under the command of Admiral Lord Nelson. L., 1799. P. 213.

фактор. Готовясь к походу, он читал сочинения французских путешественников К.-Э. Савари и К.-Ф. Вольнея, много поездивших по Ближнему Востоку⁵⁹; к тому же с Вольнеем он был знаком и лично. Однако оба эти автора как истинные сыны Просвещения считали религию всего лишь удобным инструментом в руках умелого политика, вроде того обладающего высшим разумом Законодателя, которого Ж.-Ж. Руссо описал в «Общественном договоре»: «Решения этого высшего разума, недоступного простым людям, Законодатель и вкладывает в уста бессмертных, чтобы увлечь божественною властью тех, кого не смогло бы поколебать в их упорстве человеческое благоразумие. <...> Не следует, однако, заключать из всего этого <...>, что предмет политики и религии в наше время один и тот же; но при становлении народов одна служит орудием другой»⁶⁰. Именно таким Законодателем, использовавшим религию в политических целях, просветители считали Пророка Мухаммада. Савари называл его «великим политиком», а Вольней утверждал: «Он [Мухаммад] хочет не просвещать, но править. Он ищет не учеников, а подданных. Их он не призывает к рассуждениям, но хочет подчинения. И чтобы легче добиться этого, он всё возводит к Богу»⁶¹.

Вступив на землю Египта, Бонапарт в соответствии с подобными представлениями тоже попытался использовать религию в своих политических целях. В распространявшихся на арабском языке прокламациях и в устных обращениях к шейхам Каира он подчеркивал приверженность французов исламу. Уже в первой из таких прокламаций, опубликованной сразу после высадки, Бонапарт заявлял: «Египтяне, вам скажут, что я пришел, чтобы погубить вашу религию; не верьте этому! Ответьте, что я пришел, чтобы восстановить вас в ваших правах, наказать узурпаторов, что я больше, чем мамлюки, чту Аллаха, его пророка Мухаммада и славный Коран!»⁶². В некоторых из подобных обращений Бонапарт даже приписывал себе сверхчеловеческие качества пророка последних времен – махди: ««Знайτε также, что я могу открыть то, что таится в сердце каждого из вас, потому что, как только я взгляну на человека, я проникаю в его душу и познаю то, что в ней сокрыто, хотя бы я ни словом не обменялся с ним. Однако придет время, настанет день и вы убедитесь воочию, что все сделанное и учрежденное мною есть предначертания Бога, которые неминуемо осуществляются»⁶³.

⁵⁹ Подробнее см.: Прусская Е.А. Египет в сочинениях французских путешественников К.-Э. Савари и К.-Ф. Вольнея в конце XVIII в. // ВИ. 2012. № 1.

⁶⁰ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С. 232-233.

⁶¹ Цит. по: Прусская Е.А. Французская экспедиция в Египет 1798-1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016. С. 74.

⁶² Цит. по: Laurens H. L'expédition d'Égypte 1798-1801. P., 1997. P. 108.

⁶³ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта. М., 1962. С. 130.

Однако неуклюжие попытки французского главнокомандующего разыграть религиозную карту воспринимались местными жителями с явным недоверием. По свидетельству находившегося при французском штабе Никулы ат-Турка, сирийского христианина, оккупантам, «несмотря на все их усилия, не удалось вселить доверие в сердца [египтян]. Мусульмане затаили ненависть против них, желая им горя и страдания...»⁶⁴. А попытки Бонапарта присвоить себе сверхчеловеческие способности арабский хронист аль-Джабарти охарактеризовал как «обман, слабоумную ложь и наглые притязания на пророчество и появление махди»⁶⁵.

Некоторые же из заявлений Бонапарта, продиктованные существовавшими в Европе стереотипами Востока, и вовсе приводили к прямо противоположному результату, чем предполагался. Например, исходя из распространенного клише об имманентной враждебности мусульман к христианству, Бонапарт попытался завоевать их доверие, похваставшись тем, что уничтожил власть Римского Папы и Ордена госпитальеров: «Кади, шейхи, чорбаджи, скажите народу, что мы – истинные мусульмане. Не мы ли ниспровергли Папу, говорившего, что надо вести войну против мусульман? Не мы ли ниспровергли Мальтийских рыцарей за то, что эти безумцы верили, будто Бог желает, чтобы они вели войну с мусульманами?»⁶⁶. Однако вместо одобрения со стороны приверженцев ислама, на которое Бонапарт рассчитывал, его бахвальство вызвало их осуждение. Мусульмане, по свидетельству шейха аль-Джабарти, сделали из этих слов вывод, что французы ««не согласны ни с христианами, ни с мусульманами и не придерживаются никакой религии. Они безбожники, отрицающие загробную жизнь и Воскресение, пророков и Мессию»⁶⁷. Показательно, что даже христианин ат-Турк называл в своей хронике французов «неверными»⁶⁸.

Наиболее веским аргументом, опровергавшим утверждение Бонапарта о приверженности французов исламу, стали их повседневные практики, вступавшие в непримиримое противоречие с местными обычаями. Вот что пишет на сей счет ат-Турк: «Каир стал похож на Париж. Женщины без стеснения выходили с французами, везде распивали вино и крепкие спиртные напитки, происходили также другие вещи, которые

⁶⁴ *El-Turk N. Histoire de l'expédition française en Egypte / Publiée et traduite par M. Desgranges aîné. P., 1839. P. 49.*

⁶⁵ См.: *Прусская Е.А. Французская экспедиция в Египет. С. 60.*

⁶⁶ См.: *Laurens H. Op. cit. P. 108-109.*

⁶⁷ Цит. по: *Прусская Е.А. Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта // ФЕ 2010. М., 2010. С. 284.*

⁶⁸ См.: *Прусская Е.А. Французская экспедиция в Египет. С. 45.*

Господь наш не одобряет»⁶⁹. Женщин обязывали ходить с открытыми лицами, повсеместно продавался запрещенный в мусульманском обществе алкоголь, мечети и прочие святыни безжалостно разрушались при строительстве военной инфраструктуры.

Социокультурный диссонанс, вызванный переносом в традиционное общество Востока порядков, принятых во Французской республике, и стал главной причиной конфликта между населением Египта и французской армией. Также считал и ат-Турк, отмечавший, что «египтяне совершенно не принимали французов из-за различий в религии, языке и обычаях»⁷⁰. При этом социально-экономические и политические факторы не играли в возникновении конфликта сколько-нибудь заметной роли (по крайней мере, на первых порах), поскольку оккупационная администрация приспособила к своим нуждам прежние государственные институты, существовавшие еще при мамлюках⁷¹.

Антифранцузское сопротивление египтян, развернувшееся под религиозными лозунгами священной войны джихада, ни на день не прекращалось в течение всех трех лет оккупации⁷². Большую часть времени оно носило характер перманентной партизанской войны⁷³, но иногда выплескивалось в городские мятежи, наиболее масштабным и продолжительным из которых стало Второе Каирское восстание 1800 г. Тогда в течение месяца практически все население египетской столицы сражалось против французов под белым знаменем Пророка – «аль-Лива». Подавить всенародное движение чисто военным путем даже французской армии этой великолепной машине войны оказалось не по силам. С восстанием удалось справиться только благодаря дипломатическим способностям французского главнокомандующего генерала Ж.-Б. Клебера, сменившего в 1799 г. на этом посту Бонапарта. Сочетая подкуп, психологическое давление и открытый террор он сумел сыграть на противоречиях между турками, мамлюками и арабами и склонить руководителей восстания к почетной капитуляции⁷⁴.

⁶⁹ *El-Turk N.* Op. cit. P. 212.

⁷⁰ *Turc N.* Chronique d'Égypte 1798-1804/ Ed. et tr. par G. Wiet. Le Caire, 1950. P. 35.

⁷¹ Подробнее см. *Кириллина С.А.* Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston, 2000. С. 213-263; *Sulaymân N.* L'administration de l'Égypte au temps de l'expédition française (1799-1801) // *Égypte / Monde arabe.* 1999. N 1 : L'expédition de Bonaparte vue d'Égypte. P. 210-212.

⁷² Подробнее см. ниже: *Пруская Е.А.* Антифранцузское движение протеста в Египте 1798-1801 гг.

⁷³ См., например, *Al-Khûlî R.* La resistance populaire à l'occupation française en Basse-Égypte (1798-1801) // *Égypte / Monde arabe.* 1999. N 1. P. 205-209.

⁷⁴ Подробнее см.: *Чудинов А.В.* Второе Каирское восстание: 20 марта – 21

Хотя ни одно из этих вооруженных выступлений не увенчалось непосредственным изгнанием оккупантов, народная война египтян против порядков, навязанных им революционной Францией, подорвала силы Восточной армии и во многом подготовила ее конечную капитуляцию перед войсками Второй антифранцузской коалиции в 1801 г.

Отечественная война – «русская Вандея»?

Если война в Египте напоминала французам Вандею, то во время «русской кампании» 1812 г. они будут вспоминать уже о Египетском походе как в связи с испытываемыми климатическими трудностями, так и в силу сходства характера военных действий, когда неожиданного нападения можно было ожидать в любой момент и отовсюду, только теперь не от бедуинов, а от казаков⁷⁵. Впрочем, помимо внешних аналогий этих трех разновидностей народной войны, имелось ли нечто общее в их существенных параметрах? Может ли по своему содержанию рассматриваться в одном ряду с Вандеей и египетским джихадом та народная война против французов, которую вели на оккупированных ими территориях русские крестьяне?

Исследователь из Мадридского университета Е.О. Смоктий, сравнивая антифранцузское народное движение в России с испанской герильей 1808-1814 гг. (которую современники, кстати, тоже нередко уподобляли Вандее⁷⁶), пришла к выводу, что, несмотря на особенности каждой из стран, сопротивление французским оккупантам в обеих имело важное сходство: «Известно, что во время “русской кампании” Наполеон не вынашивал планов по переустройству Российской империи, не покушался на крепостное право, не обещал Конституцию, как испанцам и полякам. Однако и в Испании, и в России поведение французов на оккупированных территориях вольно или невольно задевало самую чувствительную струну, свойственное жителям этих стран глубокое религиозное чувство»⁷⁷.

С подобной констатацией трудно не согласиться. Вызывающе пренебрежительное или даже агрессивное поведение французов в отношении храмов нашло отражение в многочисленных источниках. Так, бежавшая из Москвы в Тамбов молодая дворянка Мария Волкова делилась с под-

---

апреля 1800 г. // ФЕ 2015. М., 2015.

⁷⁵ Подробнее см.: *Промыслов Н.В., Прусская Е.А.* Восток в представлениях солдат Наполеона: от Египта до России // ФЕ 2013. М., 2013.

⁷⁶ См., например: *Le Mièrre de Corvey J.F.A.* Des Partisans et des corps irréguliers. P., 1823.

⁷⁷ *Смоктий Е.О.* Испанская католическая и русская православная церкви против Наполеона: 1808-1814 гг. // ФЕ 2013. М., 2013. С. 185.

ругой: «Ежедневно сюда являются беглецы; последние из них оставили Москву 26-го сентября. Своими глазами видели они, как французы обращали церкви в кухни и конюшни; иконы употребляли на дрова или бросали в ретирады, обобрав все украшения»⁷⁸.

Подобные действия французских военных не были продиктованы какой-либо их особой враждебностью к православию и сознательным стремлением оскорбить религиозные чувства именно русских людей. Точно так же французы поступали и в католической Италии, и в мусульманском Египте. Просто они вели себя в соответствии с утвердившейся во время Революции системой ценностей, которой армия хранила верность и при Империи и которая, в частности, предполагала абсолютно десакрализованное отношение к религии. «Армия <...> приняла конкордат без энтузиазма: в ней долго продолжало жить неприятие какой-либо церкви. Тем более что в годы революционных войн, а затем и войны в Испании, французские солдаты столкнулись с таким врагом, который выступал под религиозными знаменами против безбожников. <...> Во французских частях искренне верующих было очень мало»⁷⁹.

Однако эти особенности повседневного поведения французских солдат и офицеров, обусловленные характерным для их мировосприятия пренебрежительным отношением к религии, воспринимались традиционным миром русской деревни как подтверждение той самой враждебности к христианской вере, которая, согласно народным представлениям, исконно присуща всем чужеземным недругам. Так, привычное для французских военных использование церквей в качестве мест ночлега и временных конюшен, воспринималось русскими крестьянами как высшая степень кощунства и свидетельство поистине нечеловеческой сущности тех, кто его совершает⁸⁰.

Записанные этнографами в первой половине XIX в. тексты устной народной литературы о войне 1812 года позволяют реконструировать тот образ французов, которым руководствовались в своем отношении к ним русские крестьяне. Это был образ врага, полностью соответствовавший традиционному архетипу чужеземного захватчика, существовавшему в русском историческом фольклоре с древнейших времен и обладавшему

⁷⁸ Письма 1812 года М.А. Волковой к В.А. Ланской // Записки очевидца: воспоминания, дневники, письма. М., 1990. С. 301.

⁷⁹ Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 220.

⁸⁰ Подробнее см.: Чудинов А.В. Кони в храмах: об одном из топосов народной памяти о войне 1812 года // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3.

рядом неизменных черт, которые повторялись из произведения в произведение независимо от того, о нашествии какого именно неприятеля там шла речь. Одной из основных архетипических черт образа врага в русском фольклоре была ненависть к христианской вере. Именно эта «антихристианская» сущность и стала определяющей чертой представлений о французах 1812 года в исторической памяти русского народа. Отличные от фольклора источники, позволяющие судить об умонастроениях крестьян того времени, также подтверждают, что простой люд воспринимал этот конфликт как религиозную войну против «нехристей-басурман», несущих смертельную угрозу его вере⁸¹.

Таким образом, и в России, как ранее в Вандее, Италии, Египте, народная война против французской армии оказалась, в конечном счете, результатом непримиримого конфликта между основанной на религии системой традиционных ценностей крестьянского мира и либерально-демократической парадигмой Просвещения, утвердившейся во Франции в результате Революции.

Заключение

Изучение в комплексе различных типов массовых протестных движений периода Французской революции и Наполеоновских войн заставляет с гораздо большей долей осторожности отнестись к распространенному утверждению о том, что эту революцию совершил народ, под которым обычно понимаются низы общества крестьянство и городской плебс. Воплощение «принципов 1789 года» в политические и правовые институты, ставшее главным итогом преобразований революционного десятилетия⁸², было все же делом рук просвещенной элиты. Обычно ассоциируемые с Революцией массовые выступления городского плебса – *journées* – бесспорно, ослабляли монархию, позволяя оппозиции вырывать у нее все новые уступки, однако сами по себе они в подавляющем своем большинстве не преследовали далеко идущих политических целей, а являлись скорее непосредственной реакцией на те или иные информационные поводы, вызывавшие всплеск коллективных страхов в ситуации общего недовольства текущими экономическими трудностями. Завладев государственной властью – наиболее эффективным инструментом преобразования общества – и завершив свою внутреннюю консолидацию, революционные элиты использовали эту власть для насильствен-

⁸¹ Подробнее см.: Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // ФЕ 2012. М., 2012.

⁸² См.: Чудинов А.В. Французская революция и мир // Всемирная история. Т. 4: Мир в XVIII веке. М., 2013.

ного прекращения практики *journées*, спеша избавиться от своенравной массовки *своей* революции.

Впрочем, если даже считать подобные *journées*, лишь косвенно связанные с развитием «революции элиты», выступлениями *в поддержку* Французской революции, то и тогда эти кратковременные (длившиеся от одного до нескольких дней) и узко локальные (в пределах одного города, пусть даже столичного) вспышки протеста, не идут по своим масштабам ни в какое сравнение с продолжавшимися годами массовыми народными движениями *против* Французской революции – движениями, захватывавшими целые регионы и даже страны.

Осмысливая опыт Революционных и Наполеоновских войн, известный военный теоретик К. фон Клаузевиц констатировал, что именно в эту эпоху появился принципиально новый тип войны – народная война⁸³. Подробно проанализировав ее особенности, он, однако, не коснулся проблемы ее происхождения. Между тем, данный феномен нельзя объяснить всего лишь реакцией масс на иностранное вторжение. В Египет и в Италию иноземные завоеватели за предшествующие столетия приходили не раз, и население всегда достаточно терпеливо мирилось с их пребыванием. На всеобщую борьбу оно поднялось только с приходом в эти страны армий Французской революции. Как мы видели, главным фактором, мобилизовавшим массы на сопротивление, была во всех рассмотренных нами случаях угроза ценностям традиционного общества, которую несли с собою войска новой Франции. Соответственно описанный Клаузевицем феномен народной войны можно считать самым что ни на есть прямым результатом Французской революции. Это была война народов против Революции, война в защиту традиционного уклада своей жизни.

Список литературы

- Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Египет в период экспедиции Бонапарта. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. [*Abd ar-Rakhman al-Dzhabarti*. Egipet v period ehkspeditsii Bonaparta. M.: Izd-vo vost. lit-ry, 1962].
- Адо А.В.* Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789-1794 гг. М.: Изд-во МГУ, 1987. [*Ado A.V.* Krest'yane i Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya. Krest'yanskoe dvizhenie v 1789-1794 gg. M.: Izd-vo MGU, 1987].

⁸³ *Клаузевиц К., фон.* О войне. М., 2007. Ч. 6. Гл. 26.

- Бовыкин Д.Ю.* От Старого порядка к новому // Всемирная история в 6 томах. Т. 4: Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. [*Bovykin D.Yu.* Ot Starogo poryadka k novomu // Vsemirnaya istoriya v 6 tomakh. T. 4: Mir v XVIII veke. M.: Nauka, 2013].
- Бовыкин Д.Ю.* Парижское восстание 13 вандемьера IV года республики // Вопросы истории. 2014. № 11. [*Bovykin D.Yu.* Parizhskoe vosstanie 13 vandem'era IV goda respubliky // Voprosy istorii. 2014. № 11].
- Бовыкин Д.Ю.* Революция окончена? Итоги Термидора. М.: Изд-во МГУ, 2005. [*Bovykin D.Yu.* Revolyutsiya okonchena? Itogi Termidora. M.: Izd-vo MGU, 2005].
- Гордон А.В.* Падение жирондистов. Народное восстание в Париже 31 мая–2 июня 1793 года. М.: Наука, 1988. [*Gordon A.V.* Padenie zhirondistov. Narodnoe vosstanie v Parizhe 31 maya – 2 iyunya 1793 goda. M.: Nauka, 1988].
- Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2001. [*Zemtsov V.N.* Velikaya armiya Napoleona v Borodinskom srazhenii. Ekaterinburg: Ural'skij gos. ped. un-t, 2001].
- Кириллина С.А.* Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston: Edwin Mellen Press, 2000. [*Kirillina S.A.* Islamskie instituty Osmanskogo Egipta v XVIII – pervoj treti XIX veka. Lewiston: Edwin Mellen Press, 2000].
- Клаузевиц К., фон.* О войне. М.: Эксмо, Мидгард, 2007. [*Klauzevits K., fon.* O vojne. M.: Eksmo, Midgard, 2007].
- Куоко В.* Опыт истории Неаполитанской революции 1799 года. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2006. [*Kuoko V.* Opyt istorii Neapolitanskoj revolyutsii 1799 goda. SPb.: Filol. f-t SPbGU, 2006].
- Лотте С.А.* «Дело Ревельона» // Французский ежегодник 1958. М.: Изд-во АН СССР, 1959. [*Lotte S.A.* «Delo Revel'ona» // Frantsuzskij ezhegodnik 1958. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959].
- Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М.: Мысль, 1980. [*Manfred A.Z.* Napoleon Bonapart. 3-e izd. M.: Mysl', 1980].
- Манфред А.З.* О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой французской революции // Манфред А.З. Великая французская революция. М.: Наука, 1983. [*Manfred A.Z.* O nekotorykh spornykh i nereshennykh voprosakh istoriografii Velikoj frantsuzskoj revolyutsii // Manfred A.Z. Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya. M.: Nauka, 1983].

- Мягкова Е.М.* «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на западе Франции в XVII-XVIII веках. М.: Academia, 2006. [*Myagkova E.M.* «Neob»yasnimaya Vandeya»: sel'skij mir na zapade Frantsii v XVII-XVIII vekakh. М.: Academia, 2006].
- Письма 1812 года М.А. Волковой к В.А. Ланской // Записки очевидца: воспоминания, дневники, письма. М.: Современник, 1990. [*Pis'ma 1812 goda M.A. Volkovoj k V.A. Lanskoj // Zapiski ochevidtsa: vospomnaniya, dnevniki, pis'ma.* М.: Sovremennik, 1990].
- Промыслов Н.В., Прусская Е.А.* Восток в представлениях солдат Наполеона: от Египта до России // Французский ежегодник 2013. «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М.: ИВИ РАН, 2013. [*Promyslov N.V., Prusskaya E.A.* Vostok v predstavleniyakh soldat Napoleona: ot Egipta do Rossii // Frantsuzskij ezhegodnik 2013. «Russkaya kampaniya» Napoleona: sobytiya, obrazy, pamyat'. М.: IVI RAN, 2013].
- Прусская Е.А.* Антифранцузское движение протеста в Египте 1798-1801 гг. // Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М.: ИВИ РАН, 2016. [*Prusskaya E.A.* Antifrantsuzskoe dvizhenie protesta v Egipte 1798-1801 gg. // Frantsuzskij ezhegodnik 2016: Protestnyye dvizheniya v ehpokhu Frantsuzskoj revolyutsii i Pervoj imperii. М.: IVI RAN, 2016].
- Прусская Е.А.* Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта // Французский ежегодник 2010: Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохе Наполеона. М.: Квадрига, 2010. [*Prusskaya E.A.* Arabskie khroniki kak istochnik po istorii Egipetskoj ehkspeditsii Bonaparta // Frantsuzskij ezhegodnik 2010: Istochniki po istorii Frantsuzskoj revolyutsii XVIII v. i ehpokhe Napoleona. М.: Kvadriga, 2010].
- Прусская Е.А.* Египет в сочинениях французских путешественников К.-Э. Савари и К.-Ф. Вольнея в конце XVIII в. // Вопросы истории. 2012. № 1. [*Prusskaya E.A.* Egipet v sochineniyakh frantsuzskikh puteshestvennikov K.-E.H. Savari i K.-F. Vol'neya v kontse XVIII v. // Voprosy istorii. 2012. № 1].
- Прусская Е.А.* Французская экспедиция в Египет 1798-1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М.: РОССПЭН, 2016. [*Prusskaya E.A.* Frantsuzskaya ehkspeditsiya v Egipet 1798-1801 gg.: vzaimnoe vospriyatie dvukh tsivilizatsij. М.: ROSSPEHN, 2016].

- Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции 1789-1814 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. [*Revunenkov V.G.* Ocherki po istorii Velikoj frantsuzskoj revolyutsii 1789-1814 gg. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1996].
- Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. М.: Кучково поле, 1998. [*Russo J.-J.* Ob obshhestvennom dogovore. Traktaty. M.: Kuchkovo pole, 1998].
- Смоктый Е.О.* Испанская католическая и русская православная церкви против Наполеона: 1808-1814 гг. // Французский ежегодник 2013. «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М.: ИВИ РАН, 2013. [*Smoktij E.O.* Ispanskaya katolicheskaya i russkaya pravoslavnaya tserkvi protiv Napoleona: 1808-1814 gg. // Frantsuzskij ezhegodnik 2013. «Russkaya kampaniya» Napoleona: sobytiya, obrazy, pamyat'. M.: IVI RAN, 2013].
- Стендаль.* Пармский монастырь // Стендаль. Собрание сочинений в 15 томах. М.: Правда, 1959. Т. 3. [*Stendal'.* Parmskij monastyr' // Stendal'. Sobranie sochinenij v 15 toma. M.: Pravda, 1959. T. 3].
- Тарле Е.В.* Жерминаль и Прериаль. М.: Изд-во АН СССР, 1951. [*Tarle E.V.* Zherminal' i Prerial'. M.: Izd-vo AN SSSR, 1951].
- Тарле Е.В.* Наполеон // Тарле Е.В. Сочинения в 12 томах. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 7. [*Tarle E.V.* Napoleon // Tarle E.V. Sochineniya v 12 tomakh. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. T. 7].
- Чеканцева З.А.* Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1996. [*Chekantseva Z.A.* Poryadok i besporyadok. Protestuyushhaya tolpa vo Frantsii mezhdou Frondoy i Revolyutsiej. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 1996].
- Чепурина М.Ю.* Истоки и механизм Лионского восстания 1793 года // Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М.: ИВИ РАН, 2016. [*Chepurina M.Yu.* Istoki i mekhanizm Lionskogo vosstaniya 1793 goda // Frantsuzskij ezhegodnik 2016: Protestnyye dvizheniya v ehpokhu Frantsuzskoj revolyutsii i Pervoj imperii. M.: IVI RAN, 2016].
- Чепурина М.Ю.* Заговор Бабёфа в восприятии французского общества XVIII века // Французский ежегодник 2015: К 225-летию Французской революции. М.: ИВИ РАН, 2015. [*Chepurina M.Yu.* Zagovor Babyofa v vospriyatii frantsuzskogo obshhestva XVIII veka // Frantsuzskij ezhegodnik 2015: K 225-letiyu Frantsuzskoj revolyutsii. M.: IVI RAN, 2015].
- Чудинов А.В.* Второе Каирское восстание: 20 марта – 21 апреля 1800 г. // Французский ежегодник 2015: К 225-летию Французской револю-

- ции. М.: ИВИ РАН, 2015. [*Tchoudinov A.V.* Vtoroe Kairskoe vosstanie: 20 marta – 21 aprelya 1800 g. // *Frantsuzskij ezhegodnik 2015: K 225-letiyu Frantsuzskoj revolyutsii*. М.: ИВИ РАН, 2015].
- Чудинов А.В.* Кони в храмах: об одном из топосов народной памяти о войне 1812 года // *Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2013. № 3. [*Tchoudinov A.V.* Koni v khramakh: ob odnom iz toposov narodnoj pamyati o vojne 1812 goda // *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. 2013. № 3].
- Чудинов А.В.* Просвещенная элита (из истории понятия) // *Французский ежегодник 2001*. М.: Эдиториал УРСС, 2001. [*Tchoudinov A.V.* Prosveshhennaya ehrita (iz istorii ponyatiya) // *Frantsuzskij ezhegodnik 2001*. М.: Editorial URSS, 2001].
- Чудинов А.В.* С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // *Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года*. М.: ИВИ РАН, 2012. [*Tchoudinov A.V.* S kem voeval russkij muzhik v 1812 godu? Obraz vruga v massovom soznanii // *Frantsuzskij ezhegodnik 2012: 200-letnij yubilej Otechestvennoj vojny 1812 goda*. М.: ИВИ РАН, 2012].
- Чудинов А.В.* «Слух, который нашептала история»: янсенизм и Французская революция (историографический аспект) // *Французский ежегодник 2004: Формы религиозности в XV – начале XIX вв.* М.: Эдиториал УРСС, 2004. [*Tchoudinov A.V.* «Slukh, kotoryj nasheptala istoriya»: yansenizm i Frantsuzskaya revolyutsiya (istoriograficheskij aspekt) // *Frantsuzskij ezhegodnik 2004: Formy religioznosti v XV – nachale XIX vv.* М.: Editorial URSS, 2004].
- Чудинов А.В.* «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798-1799 гг. // *Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2016. № 2. [*Tchoudinov A.V.* «Soldaty svobody» ili smertel'nyj vrag? Frantsuzy v YUzhnoj Italii 1798-1799 gg. // *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. 2016. № 2].
- Чудинов А.В.* Французская революция: история и мифы. М.: Наука, 2006. [*Tchoudinov A.V.* Frantsuzskaya revolyutsiya: istoriya i mify. М.: Nauka, 2006].
- Чудинов А.В.* Французская революция и мир // *Всемирная история*. Т. 4: Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. [*Tchoudinov A.V.* Frantsuzskaya revolyutsiya i mir // *Vsemirnaya istoriya*. Т. 4: Mir v XVIII veke. М.: Nauka, 2013].
- Al-Khûlî R.* La resistance populaire à l'occupation française en Basse-Égypte (1798-1801) // *Égypte / Monde arabe*. 1999. N 1.

- Bonnamy*. Coup d'oeil rapide sur les opérations de la Campagne de Naples, jusqu'à l'entrée des français dans cette ville, par le général de brigade Bonnamy, chef de l'État-Major-Général de l'Armée de Naples. P.: Dentu, an VIII [1800].
- Boycott-Brown M.* Guerrilla Warfare avant la lettre. Northern Italy, 1792-1797 // Popular Resistance in the French Wars. Patriots, Partisans and Land Pirates. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2005.
- Chaussinand-Nogaret G.* La Bastille est prise: la Révolution française commence. Bruxelles : Complexe, 1988.
- Copies from original letters from the army of General Bonaparte in Egypt, intercepted by the fleet under the command of Admiral Lord Nelson. L.: J. Right, 1799.
- Cottret M.* La Bastille à prendre: histoire et mythe de la forteresse royale. P : PUF, 1986.
- Di Rienzo E.* Dalla Vandea a Napoli (1793-1799): Guerra di popolo e democratizzazione delle masse nei manoscritti di Marc-Antoine Jullien de Paris // Napoli 1799 fra storia e storiografia. Napoli: Vivarium, 2002.
- El-Turk N.* Histoire de l'expédition française en Egypte / Publiée et traduite par M. Desgranges aîné. P.: Impr. royale, 1839.
- Finley M.* The most monstrous of wars: the Napoleonic guerrilla war in Southern Italy, 1806-1811. Columbia: University of South Carolina press, 1994.
- Godechot J.* La contre-révolution. Doctrine et action. 1789-1804. 2e éd. P.: Quadrige/PUF, 1984.
- Laurens H.* L'expédition d'Égypte 1798-1801. P.: Seuil, 1997.
- Le Mière de Corvey J.F.A.* Des Partisans et des corps irréguliers. P.: Anselin et Pochard, 1823.
- Lefebvre G.* La Révolution française. P.: PUF, 1957.
- Martin J.-Cl.* La guerre de Vendée 1793-1800. P.: Points, 2014.
- Michelet J.* Histoire de la Révolution. P. : R. Laffont, 1979.
- Petitfère Cl.* La Vendée et les Vendéens. P. : Gallimard, 2015.
- Saint-Albin A.-R.-C.* Championnet, général des armées de la République française ou les Campagnes de Hollande, de Rome et de Naples. 2e éd. P.: Poulet-Malassis et De Broise, 1861.
- Sulaymân N.* L'administration de l'Égypte au temps de l'expédition française (1799-1801) // Égypte / Monde arabe. 1999. N 1 : L'expédition de Bonaparte vue d'Égypte.
- Tchoudinov A.* 14 juillet 1789: prise de la Bastille // L'Histoire de France vue d'ailleurs. P.: Les Arènes, 2016.

Turc N. Chronique d’Egypte 1798-1804/ Ed. et tr. par G. Wiet. Le Caire: Impr. de l’Inst. français, 1950.

Viglione M. La Vandea italiana. Milano: Effedieffe, 2013.

Viglione M. Le Insorgenze. Rivoluzione e Controrivoluzione in Italia 1792-1815. Milano: Ed. Ares, 1999.

***Tchoudinov A.* Peoples against the French Revolution**

The author offers a partial summary of the results obtained by the laboratory «The World during the French Revolution and the Napoleonic Wars» (Institute of Universal History of Russian Academy of Sciences) in the realization of a long-term research project «Social mechanisms of mass protest movements in the era of the French Revolution and the Napoleonic Empire». A comprehensive study of the various types of mass movements makes to treat with great caution the widespread assertion that the French Revolution was made by the people, by which it is usually meant the peasantry and the urban plebs. Even the plebs mass protests, normally associated with the Revolution, did not usually pursue far-reaching political goals; they were merely a direct response to the information events that caused a surge of collective fear in a situation of general dissatisfaction with the current economic difficulties. However, even these relatively «revolutionary» events bear no comparison in their scope and duration with the mass popular movements directed against values and ideas of the French Revolution; such movements as the French Vendée, Italian Insorgenze, Egyptian Jihad and others seized entire regions and continued for years.

Keywords: traditional society, the liberal-democratic paradigm, the French Revolution, mass protest movements, la Vendée, Insorgenze, Egyptian campaign 1798-1801, Patriotic War of 1812.